

Л. Сараскина

РОССИЯ XX ВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДОСТОЕВСКОГО*

Прежде всего хочу поблагодарить уважаемых коллег, организаторов семинара, за приглашение в Польшу и за возможность выступить с докладом на столь актуальную, я бы даже сказала, глобальную тему.

Я отдаю себе отчет, насколько огромны вопросы, поставленные самой историей России, и насколько сложна предложенная оптика: судить о России уходящего века через призму творческого опыта Ф.М. Достоев-

* Доклад прочитан на семинаре «Достоевский в конце века», который проходил 4 марта 2000 г. в замке Острогских в Варшаве. Организатором семинара явился польский общественно-политический и литературно-художественный журнал «Wież» («Связи»); главный редактор — г-н Цезарь Гавриш (Cezary Gawrys). Журнал является частью одноименного католического общества («Towarzystwo Wiez») и объединяет польскую интеллектуальную элиту, озабоченную проблемами духовного выживания Польши в бурно меняющемся политическом мире. К сессии был выпущен специальный номер журнала, полностью посвященный теме «Достоевский в конце века» («Dostojewski u kresu wieku»), содержащий весьма интересные материалы польских авторов. По материалам сессии будет выпущен второй номер журнала на ту же тему. В программе семинара были два польских доклада: профессора Цезаря Водзинского («О борьбе добра и зла у Достоевского») и православного ксендза Генриха Папроцкого («Достоевский как писатель надежды»), а также доклад доктора филологических наук Л.И. Сараскиной, специально приглашенной на семинар. Организаторы сессии предварительно заказали ей выступление на тему: «Россия XX века через призму Достоевского». В программе семинара была также «панельная дискуссия» (круглый стол), в которой приняли участие Л.И. Сараскина и известный переводчик произведений Ф.М. Достоевского на польский язык г-н Збигнев Подгужек. Тема дискуссии: «Как творчество Достоевского отражается в сознании россиян и поляков». В дискуссии приняли участие около полутора десятка человек, многие из них выступили и высказали свое мнение по проблеме. Была высказана точка зрения, что Достоевский — это одна из тех немногих нитей, которые заставляют поляков помнить о духовном величии России и привязывают их к России; говорилось, что в настоящее время опасность для Польши — не с востока, а с запада и что, только оглядываясь на русский духовный опыт, поляки могут сохранить, не потерять свою национальную идентичность и не раствориться в западном мире. «Мы стоим перед вызовом: полюбить Россию и русских. Этот весьма драматичный для поляков вызов был дан им вместе со свободой. Достоевский — проводник такой возможности. Достоевский позволяет узнать православие, уважать и понять его. Наша дискуссия — это шаг по дороге в Россию» — такова была центральная мысль многих участников дискуссии.

ского. Но никуда не деться от того факта, что магический кристалл Достоевского и до сих пор остается наиболее надежным, наиболее точным инструментом познания и понимания того, что случилось с Россией в последние сто лет, и даже того, что может случиться с ней в веке грядущем.

Напомню: в 1921 г. только что созданный Госиздатом московский журнал «Печать и революция», призванный отражать успехи культурной жизни победившего пролетариата, опубликовал статью видного критика-марксиста В. Ф. Переверзева, посвященную столетию со дня рождения Достоевского и ставшую впоследствии классикой литературной критики. Все сбылось по Достоевскому — таков был общий пафос статьи, имевшей провоцирующее название «Достоевский и революция». «Столетний юбилей Достоевского, — писал автор статьи, — нам приходится встречать в момент великого революционного сдвига, в момент катастрофического разрушения старого мира и постройки нового. <...> Достоевский все еще современный писатель; современность все еще не изжила тех проблем, которые решаются в творчестве этого писателя. Говорить о Достоевском для нас все еще значит говорить о самых больных и глубоких вопросах нашей текущей жизни».

Сегодня, почти через восемьдесят лет, в канун уже 180-летнего юбилея писателя, мы вновь можем подтвердить глубокую правоту этих слов. Пережив в очередной раз «катастрофическое разрушение отжившего старого мира и постройку нового», мы въезжаем в новое тысячелетие с той же тяжелой рефлексией о прошлом и с той же несбыточной мечтой о будущем, когда, по словам Достоевского, «люди будут счастливы, не потеряв способности жить на земле».

Сама действительность назойливо напоминает нам о тех далеких двадцатых годах: вновь кружатся над страной призраки смуты и хаоса, вновь жизнь съезживается до размеров политической борьбы и сводок с фронтов гражданской войны, вновь огромное большинство народа озабочено проблемой примитивного выживания, вновь в недрах общественного сознания брезжит идея сильной руки, уже однажды увенчавшаяся зловещим торжеством.

Отравленные, наркотизированные политикой, страстно и болезненно воспринимая все перипетии разворачивающейся на наших глазах драмы выбора неведомых дорог, мы снова находим у Достоевского самих себя, ищущих спасения то в буйстве мятежа, то в гордыне подполья, блуждающих между вечными PRO и CONTRA проклятых вопросов, мятущихся между лагерем радикалов и лагерем мракобесов.

Нашему тревожному времени для самопознания и самоопределения вновь нужна школа Достоевского: как писалось в упомянутой юбилейной статье, Достоевский помог бы нам сохранить ясность мышления и спокойную уверенность в обстановке политической смуты, правильно реагировать на все общественные перемены, не пьянея от их размаха, не впадая в панику от их катастрофических срывов. Школа Достоевского, помимо всего прочего, безошибочно помогает понять: кто есть кто на политическом горизонте.

Откуда такое доверие, такой пиетет? Почему автор нескольких романов стал отгадчиком будущего своей страны? Думаю, потому, что Достоевский — не только русский романист, «сочинитель» с мировой известностью; Достоевский — национальный философ России; в этом смысл его тайны и в этом причина его неизбывной актуальности для России и российской жизни.

Вершинным творениям Достоевского присуще необыкновенное свойство: продолжая оставаться «вечными», они вдруг, на каких-то крутых виражах истории, вновь оказываются остро злободневными — и новая реальность как будто иллюстрирует страницы его романов. История России после Достоевского воспринимается порой как «периоды созвучий» тем или иным сочинениям из его «гениального пятикнижия».

Казалось, только что российское общество, пройдя через все фазы навязанной ему социальной утопии, познав самые страшные последствия смутного времени, выкарабкалось из трагической ситуации «Бесов» — романа о дьявольском соблазне переделать мир, о бесовской одержимости силами зла и разрушения. Нам казалось, что политическая бесовщина, иезуитский тезис: «цель оправдывает средства» — настолько дискредитированы, настолько опорочены — прилюдно, публично, что им не может найтись места в новой политической реальности. Однако, если рассуждать с точки зрения самых очевидных уроков истории, нас, только что переживших опыты политического экзорцизма, опыты изгнания бесов из отечественной общественной жизни, будто взрывной волной отбросило назад, в контекст другого романа Достоевского — «Преступления и наказания». «Треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море. Исчезли и стерлись определения и границы добра и зла», — так писал Достоевский, когда увидел, что России угрожает «бес национального богатства», несущий вражду и всеобщую озлобленность.

И во времена Достоевского Россия переживала либеральные реформы и даже, как он писал, «благословенную и благодетельную гласность». Жажда наживы и процесс накопления собственности, принимавший на глазах Достоевского злокачественные криминальные формы, порождали и новых богатых, и новых бедных: Лужиных и Свидригайловых, с одной стороны, Мармеладовых — с другой. Сегодняшнему читателю Достоевского не составит большого труда понять, с какими реалиями из его собственной жизни рифмуются страшные картины повсеместного обнищания, преступности, проституции, морального падения, изображенные в «Преступлении и наказании». Честный читатель должен будет сказать себе: трагическая судьба Мармеладовых сыграла решающую роль в окончательном созревании преступного замысла Раскольникова; горестный удел девяти десятых человечества, нравственно растоптанных и социально обездоленных, ежедневно питал бунт Родиона Раскольникова. И вот он, этот бунтарь, снова готов сказать: «Все законодатели и установители человечества, начиная с древнейших <...> все до единого были преступники» — и оправдать свое собственное преступление.

Но ведь с того самого момента, когда человек разрешит себе «кровь по совести», и начинается «дьяволов водевиль» бунта. Значит, опять нашему обществу, огромная часть которого живет очень бедно и очень трудно, предстоит испытать трагические коллизии романа «Бесы» — с новыми политическими бесами и новыми, усовершенствованными технологиями их воспроизводства?

Ни радикалы, ни либералы, ни консерваторы конца XX века не могли понять, почему после героев, инфицированных микробом бунта и смуты, Достоевский вывел на сцену молодого героя, зараженного «ротшильдовской идеей». Нашему современнику, однако, признание Аркадия Долгорукого из романа «Подросток» («Моя идея — это статья Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд») вряд ли покажется фантастическим или безумным. Не такие ли и подобные им признания слышатся отовсюду?

Жизнь будто бы начиталась Достоевского, само время будто бы ставит эксперимент, проверяя еще один роман великого русского писателя. Именно «миллион» фигурирует сегодня как единица измерения общественного идеала; именно стремление любыми средствами стать богатыми и сверхбогатыми внушается сегодня едва ли не через все российские каналы нашим подросткам. «Новый русский», или «новый богатый», усилиями пропаганды рисуется как герой нашего времени, как «положительно прекрасное лицо»; чем больше за ним криминала, тем больше он герой; к нему устремлено внимание телекамер; ему отводят первые строки и полосы газет; от него, сырьевого магната, «финансового гения» (в сравнении с которым ученый, художник, военный всего лишь «единица электората»), ждут спасения России в виде золотого дождя.

Идея «миллиона» как символа новой веры, опровергнутая всем поэтическим строем романа Достоевского и всей его художественной идеологией, сорвалась с цепи и выскочила на улицу; и теперь уже не только персонажи романа «Подросток», а всё российское общество на своей шкуре узнаёт, чего стоят его национальные традиции, его культурные и духовные ценности — ввиду соблазна больших и внезапных денег. Как правило, грязных денег. Впрочем, мир дикого капитала и разгул страстей вокруг денежных мешков, выражаясь и буквально и фигурально, хорошо знаком читателю Достоевского и по роману «Идиот».

Мы живем в уникальное время, когда в России «работают» не один, а все романы Достоевского. Особенно поразительно, что это время сопряжено в России с тотальным сомнением, тотальным скепсисом, а может быть, и тотальным отрицанием.

Сто пятьдесят лет тому назад, едва выйдя из Омского острога, из каторги, полученной за государственное преступление, Достоевский писал: «Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных». Подобное признание мог бы сделать сейчас едва ли не каждый русский, ибо все мы — дети неверия и сомнения куда

в большей степени, чем писатель Достоевский; за словами же: «каких страшных мучений стоила и стоит... эта жажда верить» — встает вся история России последних ста лет. За свой атеизм, роковое заблуждение молодости, Достоевский был наказан десятью годами каторги и ссылки, излечившими его от этого духовного недуга.

А всего через поколение вся Россия была захвачена в этот духовный плен; только теперь каторга и ссылка должны были лечить не от атеизма, а от веры и жажды верить. Какая страшная и какая глубинная связь между судьбой страны и судьбой ее национального писателя!

Сознанием большинства уже не владеют тоталитарные догмы — в российской жизни как будто нет Великого инквизитора, нет чуда, нет тайны, нет авторитета, но нет по-настоящему и Христа. Более того: Великого инквизитора нет, но дело его живет; ведь идея Инквизитора как раз и состоит в том, что для политического существования современного человечества необходимо устроиться без Бога, без Христа; фигура Христа как бы мешает договориться разным силам современного общества. «Зачем ты пришел нам мешать?» — говорит у Достоевского Инквизитор. И, как мы помним, Христос Достоевского молчит и молча целует старика Инквизитора.

Достоевский ставит, кажется, неразрешимые вопросы. Но он же дает ключ к пониманию конфликта, имеющего не столько метафизический, эзотерический, сколько политически злободневный смысл.

Разгадка самой грандиозной поэмы и самой главной достоевской темы — о Христе и Инквизиторе, — как и загадка русской истории по Достоевскому, — содержится в самой поэме. Пленник Христос молчит и молча уходит во тьму средневекового города; кажется, Инквизитор оставил за собой последнее слово. Но единственный слушатель поэмы Алеша не может признать моральную и интеллектуальную победу за Инквизитором и за сочинителем поэмы Иваном Карамазовым. Главное событие поэмы, ее разгадка как раз и заключается в том, что Пленник молчит, а Алеша говорит. Смысл истории, таким образом, состоит не в том, что она уже произошла и ничто новое невозможно, а в том, что история жива, она развивается, продолжается, и к ней возможно творческое отношение новых, творческих людей.

Если экстраполировать итоговую художественную мысль Достоевского о России — «Легенду о Великом инквизиторе» — в современную российскую политическую жизнь (при всей условности такой экстраполяции), можно увидеть несколько аспектов соотношения власти светской и церковной. Россия, за несколько столетий своего существования как империи и великой державы, привыкла иметь официальную идеологию, общую руководящую мысль, или, как принято сейчас говорить, общую национальную идею. После завершения большевистского периода русской истории, в постсоветской реальности, на фоне большого разочарования в той демократии, которая пыталась предложить свои ценности, но сама же дискредитировала их, Россия оказалась в идеологическом вакууме.

Лозунг нынешней российской власти, обращенный в сторону церкви, я бы определила такой формулой: «Мы готовы заполнить наш идеологический вакуум чем угодно, пока не найдем того, что нам нужно». Если во времена старой российской государственности церковь по многим критериям могла считаться духовным стержнем государства, то сейчас государство чаще всего использует церковь как нарядную, подчас богатую декорацию. Церковь для нынешней власти — вопрос ее (власти) имиджа, знак респектабельности и благонадежности, не более. Не хотелось бы думать, что церковь таким образом покупают, предлагая недвижимость в обмен на духовную независимость, нравственную и политическую самостоятельность.

Условно говоря, Пленника больше не берут в плен, не говорят ему сакраментальных слов: «Уходи и не мешай нам». Он сам нарушает молчание и может теперь говорить все что угодно; но его никто не слушает и на слова его не обращают никакого внимания. Драматическая тяжесть такого поворота исторического сценария выламывается из рамок «Легенды о Великом инквизиторе» — подобный поворот темы Достоевским, по-видимому, не был предусмотрен. Наше время добавило новую ноту в трагическую симфонию о России, написанную Достоевским.

Наше духовное состояние можно было бы определить — в терминах Достоевского — как жизнь на обломках вавилонской башни. Подобный феномен Достоевский называл «кризисом свободы»: люди, получившие свободу, не знают, что с ней делать, и тяготеют ею. «Нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть», — настаивает Великий инквизитор. Школа Достоевского помогает увидеть и распознать тех лукавых соискателей, кто обещает народу снять с него тяжкое бремя совести.

Вопрос: есть ли в сегодняшней России те духовные силы, те нравственные авторитеты, которые способны, не посягая на человеческую свободу, организовать жизнь страны, считаясь с ее традиционными ценностями, с ее цивилизационными возможностями, — ключевой политический вопрос современности.

В последнем романе Достоевского Инквизитор, заточивший Христа в темницу, затем отпускает его, провожая Пленника словами: «Ступай и не приходи более... никогда». Наше время добавило к этой сцене всего один нюанс: теперь двери темницы, из которой ушел Христос, открыты настежь, запоров более нет, дверь скрипит и болтается на холодном ветру.

Свой символ веры Достоевский выразил когда-то пронзительными словами: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Нескольким поколениям русских людей власть пыталась «математически» доказать, что «Христос вне истины». Такой урок не проходит бесследно. Ныне граждане России поставлены в ситуацию тяжелейшего духовного выбора: тосковать о былом «порядке» с регламентированной и прописной истиной, проклиная

дряблую, голодную, несправедливую свободу, или пытаться обрести для себя Бога и Родину, имея в душе одну лишь неутоленную жажду правды.

Достоевский уповал, что эта правда будет услышана.

«Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз может быть, услышим настоящую правду», — писал Достоевский. Но похожа ли наша российская демократия, народное представительство на те упования Достоевского, которые он обозначил словами: «позовите серые зипуны»? Боюсь, что не похожа.

Новая ситуация, которую в России называют «постсоветской», карикатурна: те верхи, которым надлежит знать, во имя чего они служат, этого не знают. И одно можно сказать о них наверняка: они, многие из них, прошли выучку в структурах КПСС и комсомола, в школах КГБ и ФСБ, но они не прошли закалку в школе Достоевского. В одной из реплик Алеши Карамазова содержится прозрачный намек на лицо власти; к сожалению, этот намек работает и продолжает работать безотказно. Ведь в притязаниях тех, кто готов отнять чужую свободу ради якобы высоких целей, младший из братьев Карамазовых, двадцатилетний Алеша, ясно видит «самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения, вроде будущего крепостного права, с тем, что они станут помещиками». Принципиально важно, что высокая эзотерика философской поэмы-притчи Достоевского переводится в плоскость земную, в плоскость гражданской жизни и политического состояния общества. И нельзя не видеть, насколько точно, насколько емко и насколько «футурологически» звучат слова Алеши.

Реплика Алеши: «Они и в Бога не веруют, может быть. Твой страдающий Инквизитор — одна фантазия» — потрясает правдой сегодняшнего дня. Нынешняя российская власть (вся совокупность власти) — это не грозный, могущественный страж, который держит все в своих руках, перед которым падают ниц покоренные народы. На наших глазах происходит дробление образа, протекает его фрагментарное и осколочное, почти фантомное бытие. Инквизиторов, метафорически говоря, как будто очень много, но они все очень мелкие, карликовые, мизерабельные, к тому же страшно жадные до «земных грязных благ»; из-за своей чудовищной алчности они громко враждуют друг с другом, эти «разборки» на глазах уставшего народа и называются у нас политической жизнью.

И опять вопрос прямо по Достоевскому: что же лучше для простого человека — сильный, властный, могучий Инквизитор, которому подчиняются безусловно и беспрекословно, или много мелких бесов, которые, может быть, в сумме своей обладают не меньшей разрушительной силой?

Достоевский терзался вопросом: может ли человечество устроить земную жизнь счастливо? Если может, то как? Достоевский — и как художник, и как гражданин — был озабочен проблемой национального выбора России. Он мучительно думал, какое слово скажет Россия Западу; ибо полагал, что это будет новое слово.

То, что происходит сегодня в России, можно, наверное, выразить, такой формулой: человечество хочет устроиться без Инквизитора, без Христа,

без Бога, но с имитацией их, с дурной и безвкусной подделкой под них. Карикатура демократии, карикатура веры, карикатура русской национальной идеи, карикатура нового русского слова. Эта множественность карикатурных состояний — зеркало духовной смуты, в котором пребывает современное русское общество, лишенное идеологии, общей национальной идеи и общей социальной цели. Российское общество переживает сейчас сильнейшее искушение — поддаться гипнозу этой карикатуры, поверить в искаженное изображение как в истину.

Но вспомним: герой Достоевского Алеша Карамазов, послушник монастыря, послан «в мир»; он не остается в замкнутом пространстве монастыря; он включается в гражданскую и политическую реальность, видя в этом обязанность гражданина и христианина. Именно так эти обязанности понимал и Достоевский. В этом смысле Россия XX века видится не только через призму художественных прозрений Достоевского, но и через его прямое слово политического публициста.

Никакому народу не снилось такой силы обличения самого себя, на которое способен народ русский и Россия. Вера Достоевского в Россию, в ее будущее как в страну свободную и сильную рождалась не на пустом месте. Дитя эпохи Крымской войны, Достоевский вместе со всеми русскими испытал горечь колоссального военного поражения, ощутил глубокое разочарование европейской политикой, которая всегда следует только своим собственным выгодам, рекомендуя всем эти выгоды в качестве общечеловеческих ценностей. Достоевский говорил о двойственной мере весов, которыми обмеривает и обвешивает Европа, когда дело касается России. Достоевский знал, что такое национальное унижение, и говорил, что русским нужно самоуважение, а не самооплевание. Он писал, как, находясь на каторге, он не радовался успехам противников России в Крымской войне, «а вместе с прочими товарищами, несчастенькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому». Именно большевики-ленинцы много позже будут желать поражения своему правительству и призывать к «перерастанию войны империалистической в войну гражданскую». Патриотизм Достоевского иного свойства, и у нас в стране, похоже, стали разбираться в этих оттенках.

Все последнее десятилетие Россия была похожа на огромную газету, в которой страна брала интервью у самой себя: какой ей быть? каким путем идти? каким идеалам следовать? И только в самом конце XX века приходит, как мне кажется, более или менее ясное понимание того, что такое новая Россия. Это та Россия, которая сможет честно сказать миру хорошо известные в Польше слова: «За нашу и вашу свободу». Для этого ей нужно быть страной демократической и, значит, не слабой и обессиленной, подорванной неумелыми реформами, с жадной и бесчестной властью и брошенным на произвол судьбы населением, а страной, сознающей свои национальные интересы, имеющей стратегию не только выживания, но и процветания. Такая Россия совершенно отвечает интересам великого писателя, государственника и патриота Ф. М. Достоевского.